

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 81'42

ОГРАНИЧЕНИЯ СИМПЛИФИКАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНЫЙ И ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Ольга Михайловна Литвишко^{1✉}, Исмаил Висраилович Байсултанов²

¹Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

²Дагестанский государственный университет, г. Хасавюрт, Россия

^{1✉}olitivishko@yandex.ru

²ismail-baisultanov@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные и дискурсивные ограничения симплификации англоязычного юридического дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разграничения языкового редактирования, направленного на повышение читабельности, и более глубокой трансформации текста, предполагающей снижение его когнитивной сложности при сохранении юридически релевантного содержания. Материалом исследования послужила оригинальная и упрощённая версии векселя (Citibank Promissory Note), составленного в соответствии с рекомендациями Движения за понятный язык. С использованием концептуального, сравнительного, контекстуального и функционального анализа выявлены основные изменения, присутствующие в упрощённой версии документа: сокращение объёма за счёт устранения сложных юридических формул и повторяющихся элементов, изменение регистра текста посредством персонализации, внедрения активных конструкций и разговорных формул, а

также селективная редукция и экспликация. Упрощение юридической информации также посредством сопровождения терминологической лексики доступным пояснением. Вместе с тем редукция юридически значимых деталей может приводить к частичной утрате юридически релевантного содержания. Установлено, что когнитивное ограничение симплификации связано с необходимостью снижения сложности обработки информации без устранения её юридического смысла, тогда как дискурсивное ограничение обусловливается институциональной и нормативно-регулятивной функцией юридического текста. Делается вывод о том, что симплификация юридического дискурса представляет собой сложную трансформацию формы и организации правового сообщения, границы которой определяются необходимостью сохранения его юридически релевантного содержания.

Ключевые слова: юридический дискурс, англоязычный юридический дискурс, симплификация, простой язык, когнитивные ограничения, дискурсивные ограничения, движение за простой английский язык, институциональный дискурс

Для цитирования: Литвишко О. М., Байсултанов И. В. Ограничения симплификации юридического дискурса: когнитивный и дискурсивный аспекты // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 3 (15). С. 35–49.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

UDC 81'42

LIMITATIONS OF SIMPLIFICATION OF LEGAL DISCOURSE: COGNITIVE AND DISCURSIVE ASPECTS

Olga M. Litvishko^{1✉}, Ismail V. Baisultanov²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²Dagestan State University, Khasavyurt, Russia

^{1✉}olitvishko@yandex.ru

²ismail-baisultanov@rambler.ru

Abstract. The article examines the cognitive and discursive limitations of simplifying English-language legal discourse. The relevance of the study is due to the need to distinguish between language editing aimed at improving readability and a more profound transformation of the text, which involves reducing its cognitive complexity while preserving legally relevant content. The research material consists of the original and simplified versions of a promissory note (Citibank Promissory Note), drawn up in accordance with the recommendations of the Plain Language Movement. Using conceptual, comparative, contextual, and functional analysis, the main changes present in the simplified version of the document have been identified: reduction in volume due to the elimination of complex legal formulas and repetitive elements, a change in the text register through personalization, the introduction of active constructions and colloquial formulas, as well as selective reduction and explication. The simplification of legal information is also achieved through accompanying terminological vocabulary with accessible explanations. At the same time, the reduction of legally significant details may lead to a partial loss of legally relevant content. It has been established that the cognitive limitation of simplification is related to the need to reduce the complexity of information processing without eliminating its legal meaning, whereas the discursive limitation is determined by the institutional and normative-regulatory function of the legal text. It is concluded that the simplification of legal discourse represents a complex transformation of the form and organization of legal communication, the boundaries of which are defined by the need to preserve its legally relevant content.

Keywords: legal discourse, English-language legal discourse, simplification, plain language, cognitive limitations, discursive limitations, the plain English movement, institutional discourse

For citation: Litvishko O. M., Baisultanov I. V. Limitations of simplification of legal discourse: cognitive and discursive aspects // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 3 (15): 35–49. (In Russ.).

Введение

Язык права является одним из наиболее сложных языков профессионального общения. Такие его характеристики, как абстрактность, формальность, терминологическая насыщенность, синтаксическая сложность [6; 8; 10; 11] являются ярким выражением онтологической специфики права. Не удивительно, что проблема доступности языка права для массовой аудитории остаётся в фокусе исследователей уже несколько десятилетий [4; 9; 12]. Практики при этом разрабатывают разного рода инициативы по упрощению юридического языка, подтверждением чему служит деятельность Движения за понятный язык (Plain Language Movement).

Однако в данном контексте необходимо отметить, что упрощение не должно сводиться к устранению элементов, представляющих сложность. Правовой текст выполняет специфические функции, и изменение его формы потенциально затрагивает интерпретацию юридического документа.

Цель исследования – выявить когнитивные и дискурсивные ограничения симплификации англоязычного юридического дискурса. В соответствии с поставленной целью нами определены такие задачи, как определение когнитивных факторов сложности, описание институциональных параметров, ограничивающих упрощение, демонстрация пределов симплификации на примере конкретного документа.

Материалом исследования выступают два текста – оригинальная и упрощённая версии векселя Ситибанка (Citibank Promissory Note) [12, p. 257–

262], который является первым документом, составленным в соответствии с рекомендациями Движения за понятный язык (1975).

В работе используются методы концептуального, сравнительного, контекстуального и функционального анализа и элементы дискурс-анализа.

Гипотеза исследования состоит в следующем: изменения, зафиксированные в упрощённом тексте, представляют способы его редактирования, направленные, прежде всего, на улучшение его читаемости. Симплификация же, по нашему мнению, подразумевает более глубокую трансформацию, результатом которой должно стать снижение когнитивной сложности. Юридические тексты выполняют нормативно-регулятивную функцию [1; 2; 3], что неизбежно требует сохранения точности изложения правовой нормы.

Исследовательские результаты и их интерпретация

Как показал сравнительный анализ двух текстов, для упрощения текста документа использовались стандартные методы редактирования, которые чётко и понятно изложены в ряде публикаций, содержащих как критику юридического стиля письма, так и рекомендации по достижению понятности юридических текстов [4; 5; 7; 12; 13; 14]. Различия между оригинальной и упрощённой версиями касаются нескольких аспектов. Рассмотрим их подробнее.

1. Объём текста.

Исходный текст содержит 1697 слов, упрощённый – 681 слово. Сокращение объёма достигается за счёт устранения архаичных и избыточных формул юридического языка. Например:

FOR VALUE RECEIVED, the undersigned (jointly and severally) hereby promise(s) to pay to ... / ЗА ПОЛУЧЕННУЮ СУММУ нижеподписавшиеся (совместно и по отдельности) настоящим обещают(и) выплатить(и) ...

заменяется на:

To repay my loan, I promise to pay you ... / Чтобы погасить кредит, я обещаю выплатить вам ...

Как демонстрирует пример, в упрощённой версии отсутствуют такие единицы, как *for value received* (заменяется на инфинитивный оборот), *the undersigned* (заменяется на личное местоимение *I*), *hereby* (без замены), пояснение *jointly and severally* (без замены). Здесь также необходимо отметить, что использование личного местоимения вместо безличного агента действия выступает примером стратегии персонализации.

К сокращению объёма приводит также устранение многократно повторяющихся номинаций участников сделки. Вместо лексем *the Bank* (используется 28 раз), *the Borrower* (13 раз), *each of the undersigned* (4 раза), *the undersigned* (16 раз) в упрощённом тексте используются личные, притяжательные и объектные местоимения *I*, *my*, *me*, *you*, *your*, которые, с одной стороны, короче по форме, с другой стороны, более понятны адресату и не требуют повторного указания на участника сделки.

Не меньшей значимостью с точки зрения сокращения объёма обладает устранение множественных однородных членов, выполняющих в исходном тексте функции уточнения или конкретизации. Так, для описания возможных обязательств перед банком, в исходном тексте используется целая серия прилагательных:

... all other indebtedness or liabilities of the undersigned to the bank whether joint, several, absolute, contingent, secured, unsecured, matured or unmatured, under any present or future note or contract or agreement with the Bank ... / ... все прочие долговые обязательства или пассивы нижеподписавшихся перед банком, будь то совместные, солидарные, безусловные, условные, обеспеченные, не обеспеченные, погашенные или непогашенные, по любым текущим или будущим векселям, договорам или соглашениям с Банком ...

В упрощённом тексте данные прилагательные заменяются на обобщённое предложение:

this or any other debt to you / этот или любой другой долг перед вами без какой-либо детализации видов ответственности.

2. Смена регистра.

Оригинальный и упрощённый текст существенно различаются стилем изложения, что демонстрирует смену регистра. Оригинальный текст выступает примером формального институционального дискурса, о чём свидетельствует использование модального глагола *shall* в функции долженствования, ряда юридических клише, в частности, *shall be deemed, in accordance with, in the event of*, местоименных наречий *hereunder, herein, hereby, hereafter, thereafter, hereinafter, whereupon*.

Acceptance by the Bank of payments in arrears shall not constitute a waiver of or otherwise affect any acceleration of payment hereunder or other right or remedy exercisable hereunder / Принятие Банком платежей в счёт погашения задолженности не означает отказ от права на ускоренную выплату в соответствии с настоящим договором или иное право или средство правовой защиты, предусмотренное настоящим договором.

В упрощённом тексте такие единицы полностью отсутствуют, они заменяются более общеупотребительными вариантами. Кроме того, сложные положения исходного документа разделяются на более понятные не только за счёт членения предложений, но и перераспределения сложности между несколькими положениями в упрощённом тексте. В частности, вышеуказанному фрагменту соответствует два более кратких предложения. Что не менее важно, они по-другому встраиваются в новый текст, поскольку содержатся в разных его частях. В разделе документа под названием *Default* (Неисполнение обязательств) присутствует положение об ускорении платежа:

You can then demand immediate payment of the balance of this note / После этого вы можете потребовать немедленной оплаты остатка по векселю.

А в разделе *Irregular Payments* (Нерегулярные платежи) – вторая часть положения из исходного документа, т. е. общая оговорка о сохранении прав:

... without losing any of your rights under this note / ... не теряя при этом ни одного из ваших прав по данному документу.

Другими лингвистическими маркерами смены регистра являются следующие (табл. 1).

3. Перераспределение информации по тексту документа и селективная редукция / экспликация.

Сравнительный анализ двух текстов показал, что в некоторых случаях в оригинальном тексте информация представлена более компактно, чем в упрощённом документе, тогда как в других случаях наблюдается обратное. Так, например, в исходном тексте многие юридические термины используются без дополнительных пояснений, а в упрощённом тексте они сопровождаются пояснением. В частности, термин *security interest* в оригинальном тексте используется в соответствующих положениях самостоятельно, тогда как в упрощённом документе находим пояснение:

To protect you if I default on this or any other debt to you, I give you what is known as a security interest in my Motor Vehicle, ... / Чтобы защитить вас в случае, если я не выполню свои обязательства по этому или любому другому долгу перед вами, я предоставляю вам так называемый обеспечительный интерес в отношении моего автомобиля, ...

Ещё один пример подтверждает данную тенденцию. В оригинальном документе используется известное юристам выражение *rule of 78*, которое, употребляясь в первый раз в тексте, дополнительно поясняется другим термином – *the «sum of the digits» method*:

In the event this note is prepaid in full or refinanced, the borrower shall receive a refund of the unearned portion of the prepaid finance charge computed in accordance with the rule of 78 (the «sum of the digits» method) / В случае полного досрочного погашения настоящей расписки или её рефинансирования заёмщик получает возврат незаработанной части предварительно уплаченной

финансовой комиссии, рассчитанной в соответствии с правилом 78 (методом «суммы цифр»).

Таблица 1

Лингвистические маркеры смены регистра

Оригинальный текст	Упрощённый текст
замена страдательного залога действительным	
If this note is secured by a motor vehicle, boat or aircraft, property insurance on the collateral is required ... / Если в качестве обеспечения по векселю выступает транспортное средство, судно или самолёт, требуется страхование имущества, находящегося в залоге ...	I understand I must maintain property insurance on the property covered by the Security Agreement ... / Я понимаю, что должен застраховать имущество, на которое распространяется действие Обеспечительного соглашения ...
the Bank shall have, and is hereby granted, a security interest and/or right of set-off in and to ... / Банк имеет и настоящим получает обеспечительный интерес и / или право на зачёт в отношении ...	I give you what is known as a security interest in my... / Я предоставляю вам так называемый обеспечительный интерес в отношении моего ...
использование сокращённых глагольных форм	
hereby promise(s) to pay ... THE SUM OF ... (\$...) / настоящим обязуюсь(ются) выплатить ... СУММУ ... (\$...)	I'll pay this sum... / Я заплачу эту сумму ...
In the event of default in the payment of this or any other Obligation ... / В случае невыполнения обязательств по оплате этого или любого другого Обязательства...	I'll be in default ... / Я нарушу условия (договора) ...
введение в текст документа разговорных формул	
AMOUNT FINANCED ... FINANCE CHARGE ... TOTAL OF PAYMENTS... / СУММА ФИНАНСИРОВАНИЯ... КОМИССИЯ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ... ОБЩАЯ СУММА ПЛАТЕЖЕЙ...	Here's the breakdown of my payments ... / Вот разбивка моих платежей ...
In addition, upon any such prepayment or refinancing ... / Кроме того, при любом таком досрочном погашении или рефинансировании ...	Even though I needn't pay more than the fixed installments ... / Хотя мне не нужно платить больше фиксированных взносов ...
персонализация сообщения	
the undersigned... promise(s) to pay to FIRST NATIONAL CITY BANK ... / нижеподписавшиеся... обязуются(ются) выплатить ПЕРВОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ БАНКУ ГОРОДА ...	I promise to pay you ... / Я обещаю заплатить вам ...
the Bank may retain a minimum finance charge of \$10 ... / Банк может удержать минимальную комиссию за финансирование в размере 10 долларов США ...	However, you can charge a minimum finance charge of \$10 ... / Однако вы можете взимать минимальную комиссию за финансирование в размере 10 долларов ...

А в упрощённом документе содержится только один термин, *the rule of 78*, но ему даётся пояснение в более простой форме:

If I do, or if this loan is refinanced – that is, replaced by a new note – you will refund the unearned finance charge, figured by the rule of 78 – a commonly used formula for figuring rebates on installment loans / Если я это сделаю или если этот кредит будет рефинансирован, то есть заменён новым векселем, вы вернёте мне сумму, не облагаемую процентами, рассчитанную по правилу 78 – широко используемой формуле для расчёта скидок по кредитам с рассрочкой платежа.

Если сравнить по объёму два фрагмента, представленных выше, отчётливо видно, что они практически одинаковы, однако они отличаются способом изложения информации. В первом случае термин поясняется другим термином, во втором – развёрнутым пояснением с использованием общеупотребительной лексики. Термин в упрощённом тексте сохраняется, но его содержание раскрывается в доступной форме.

Другим примером селективной редукции является наличие в оригинальном тексте множественных определений для описания видов обязательств (*joint, several, absolute, contingent, secured, unsecured, matured or unmatured*) и замена этого детального описания на лаконичную фразу *this or any other debt to you*. Несмотря на сохранение обязательства в упрощённом тексте, тем не менее, наблюдается частичная утрата юридически релевантного значения.

Таким образом, сопоставление оригинальной и упрощённой версий текста векселя показывает, что симплификация юридического дискурса заключается не в механическом сокращении языковых средств или уменьшении объёма документа. Она предполагает тщательную переработку информации, при которой одни элементы редуцируются, обобщаются или исключаются, другие, напротив, эксплицируются и сопровождаются дополнительными пояснениями. Важно отметить, что степень допустимой редукции определяется

не только требованиями понятности, но и спецификой юридического дискурса в целом. Если устранение архаичных формул, повторяющихся элементов или избыточно сложных синтаксических конструкций в основном влияет на форму представления информации, то устранение юридически значимых элементов затрагивает уже содержание правового сообщения. Таким образом, граница симплификации проходит между снижением когнитивной сложности текста и изменением юридически релевантного содержания: упрощение допустимо до тех пор, пока повышение доступности не приводит к искажению юридического смысла документа.

Заключение

Проведённое исследование наглядно продемонстрировало, что симплификация англоязычного юридического дискурса представляет собой более сложный процесс, чем редактирование документа с целью сокращения объёма или замены сложных языковых единиц на более простые. Сопоставление оригинальной и упрощённой версий текста векселя выявило комплекс преобразований, затрагивающих объём текста, регистр, способы организации и перераспределения информации. Сокращение достигается за счёт устранения избыточных элементов, а изменение регистра – посредством персонализации сообщения, замены пассивных конструкций активными, использования сокращённых глагольных форм и введения в текст разговорных элементов. Одновременно с этим часть юридически значимой информации, напротив, получает дополнительную экспликацию, что свидетельствует о её перераспределении с целью сохранения правового смысла документа.

Полученные результаты позволяют чётко обозначить когнитивное ограничение симплификации. Снижение сложности юридического текста не может осуществляться исключительно за счёт устранения информации, воспринимаемой как трудная для адресата. Дискурсивное ограничение обусловлено институциональной спецификой юридического дискурса. Юридический текст адресован и включён в систему правовых отношений, в

рамках которой его положения выполняют нормативно-регулятивную функцию. Изменение регистра допустимо лишь при сохранении функций документа и его юридического смысла.

Список литературы:

1. Макович Г. В. Институциональные аспекты юридического дискурса // Социальное управление. 2023. Т. 5, № 12. С. 554–559.
2. Скоробогатов А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса // Правовая культура. 2019. № 2 (37). С. 30–38.
3. Сорокин Ю. Ю., Скобелева К. А. Формально-содержательные аспекты юридической силы документа // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 69–73.
4. Cutts M. Oxford Guide to Plain English. Oxford University Press, 2020. 342 p.
5. Goldstein T., Lieberman J. K. The Lawyer's Guide to Writing Well. University of California Press, 2003. 287 p.
6. Litvishko O., Shiryayeva T., Golubovskaya E., Mekeko N. Why English Legal Discourse is Difficult to Understand // International Journal of Arabic-English Studies. 2025. Vol. 25, No. 1. P. 403–430.
7. Martineau R. J. Drafting Legislation and Rules in Plain English. University of Cincinnati, 1991. 180 p.
8. Matusiak R. Simplifying the Complex: Nominalisation and Passivisation in Legal (Sub)language and Plain English // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu. 2024. Vol. 106, Iss. 3. P. 85–106.
9. Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 552 p.
10. Riera C. Plain English in Legal Language: A Comparative Study of Two UK Acts of Parliament // Alicante Journal of English Studies. 2015. Vol. 28, P. 147–163.

11. Schneiderová A. Historical Background to English Legal Language // Journal of Modern Science. 2018. Vol. 37, Iss. 2. P. 117–126.
12. Tiersma P. M. Language of Legal Texts // Encyclopedia of Language and Linguistics. K. Brown (ed.). Elsevier, 2005. P. 549–556.
13. Tiersma P. M. Legal Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 314 p.
14. Williams J. M., Bizup J. Style: Lessons in Clarity and Grace. Pearson, 2017. 246 p.

References:

1. Makovich G. V. Institucional'nye aspekty yuridicheskogo diskursa // Social'noe upravlenie. 2023. T. 5, № 12. S. 554–559.
2. Skorobogatov A. V. Cennostnaya determinatsiya yuridicheskogo diskursa // Pravovaya kul'tura. 2019. № 2 (37). S. 30–38.
3. Sorokin YU. YU., Skobeleva K. A. Formal'no-soderzhatel'nye aspekty yuridicheskoy sily dokumenta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 8 (236). S. 69–73.
4. Cutts M. Oxford Guide to Plain English. Oxford University Press, 2020. 342 p.
5. Goldstein T., Lieberman J.K. The Lawyer's Guide to Writing Well. University of California Press, 2003. 287 p.
6. Litvishko O., Shiryaeva T., Golubovskaya E., Mekeko N. Why English Legal Discourse is Difficult to Understand // International Journal of Arabic-English Studies. 2025. Vol. 25, No. 1. P. 403–430.
7. Martineau R. J. Drafting Legislation and Rules in Plain English. University of Cincinnati, 1991. 180 p.
8. Matusiak R. Simplifying the Complex: Nominalisation and Passivisation in Legal (Sub)language and Plain English // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Bankowej w Poznaniu. 2024. Vol. 106, Iss. 3. P. 85–106.

9. Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1963. 552 p.

10. Riera C. Plain English in Legal Language: A Comparative Study of Two UK Acts of Parliament // Alicante Journal of English Studies. 2015. Vol. 28, P. 147–163.

11. Schneiderová A. Historical Background to English Legal Language // Journal of Modern Science. 2018. Vol. 37, Iss. 2. P. 117–126.

12. Tiersma P. M. Language of Legal Texts // Encyclopedia of Language and Linguistics. K. Brown (ed.). Elsevier, 2005. P. 549–556.

13. Tiersma P. M. Legal Language. Chicago: University of Chicago Press, 1999. 314 p.

14. Williams J. M., Bizup J. Style: Lessons in Clarity and Grace. Pearson, 2017. 246 p.

Информация об авторах:

О. М. Литвишко – кандидат политических наук, доцент, Пятигорский государственный университет

И. В. Байсултанов – кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет

Information about the authors:

O. M. Litvishko – Ph. D. (Political), Associate Professor, Pyatigorsk State University

I. V. Baisultanov – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Dagestan State University

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2026; одобрена после рецензирования 14.09.2026; принята к публикации 15.09.2026.

The article was published 03.09.2026; approved after reviewing 14.09.2026; accepted for publication 15.09.2026.

Статья публикуется в одобренном рецензентами варианте (после получения последней положительной рецензии, рекомендующей рукопись к публикации) с исправлениями автора (внесёнными им после получения предварительных рецензий, рекомендующих рукопись к доработке). Все рецензии (включая предварительные рецензии) хранятся в депозитарии редакции и могут быть доступны по требованию уполномоченных организаций.

The article is published in the version approved by the reviewers (after receiving the last positive review recommending the manuscript for publication) with the author's corrections (made by the author after receiving preliminary reviews recommending the manuscript for revision). All reviews (including preliminary reviews) are stored in the editorial repository and may be made available upon request by authorized organizations.